

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/481/5

Литературные антологии середины XIX века: читательская аудитория, книжные форматы, гендер

Анастасия Вадимовна Олещук¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, anastasiya.oleschuk@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются различные материальные характеристики (формат, шрифт, иллюстрации, качество бумаги и т.д.) 23 русскоязычных литературных антологий 1853–1871 гг. Анализ этих черт книжной материальности, которые, равно как и содержание книг, сегментируют и моделируют их читательскую аудиторию, позволяет реконструировать представление издателей антологий об их целевой аудитории, ее культурном, образовательном уровне, покупательной способности, интересах и нуждах.

Ключевые слова: литературные антологии 1853–1871 гг., книжная материальность, репрезентация письменного текста

Для цитирования: Олещук А.В. Литературные антологии середины XIX века: читательская аудитория, книжные форматы, гендер // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 41–52. doi: 10.17223/15617793/481/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/5

Literary anthologies of the mid-19th century: Reading audiences, book formats, gender

Anastasia V. Oleschuk¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, anastasiya.oleschuk@gmail.com

Abstract. The article examines some aspects of the physical appearance of 23 Russian-language literary anthologies of 1853–1871. The study aims to analyze their material characteristics (size, quality of paper, font, illustrations, etc.) and how they shape the image of the target audience of these anthologies. This allows a reconstruction of the publishers' view on the potential reader of their anthologies. During the research, four most frequent types of literary anthologies and almanacs of 1853–1871 were distinguished. Their publishing pragmatics is associated both with modeling their potential readers and with shaping a literary hierarchy. The types of anthologies include anthologies (1) for people, (2) for ladies and damsels, (3) for light reading, and (4) anthologies of exemplary Russian-language prose and poetry. Detection of these types and analysis of common features within each type (which are similar in format and target audience) revealed a direct dependence of the anthologies' physical appearance on their pragmatics and their implicit reader. In addition, the material constituent of the literary anthologies, being related to the publishing strategies, pragmatics, and cultural economics, can explain how publishers imagined the tastes, needs and interests of the target audience of their editions, its cultural and educational level, as well as purchasing power. By choosing the format, font, illustrations, and various kinds of embellishments in the text (drop caps, vignettes, etc.), publishers and editors thereby segmented the potential readership of their anthologies. Reactualization of the format of the literary collection in the 1850s–1860s (taking into account the pragmatics of publishing anthologies in the 1810s, the tradition of the “almanac period” and the publishing practices of the 1840s) changes our understanding of this time in the literary field as the hegemony of “thick” journals. With the appearance of new readers in the 1860s, there was a need for new types of editions that would correspond to the financial possibilities and cultural level of the new reading audience.

Keywords: literary anthologies of mid-19th century, book studies, anthology studies, books' material appearance, written texts' representations, readership, gender

For citation: Oleschuk, A. V. (2022) Literary anthologies of the mid-19th century: Reading audiences, book formats, gender. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 41–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/5

1. Альманах, сборник и антология как литературные формы. Исследования, посвященные литературному сборнику как особому социокультурному

феномену, в большинстве своем были сфокусированы на традиции «арзамасских» антологий [1. С. 532–600], возникновении в 1820–1830-х гг. такого книжного

формата, как альманах [2. С. 28–29; 3. С. 70–82], а также на появившихся в 1840-х гг. крупноформатных сборниках с текстами преимущественно молодых современных авторов [4. С. 62; 5. С. 78]. Русскоязычные антологии (т.е. сборники, содержащие ранее опубликованные и особым образом отобранные «лучшие» тексты), второй половины XIX в. как феномен литературной культуры в России, напротив, не привлекали специального внимания историков или социологов литературы.

Расширение книжного рынка литературных сборников со второй половины 1850-х гг.¹ было обусловлено окончанием «мрачного семилетия» после смерти Николая I, цензурным послаблением, развитием издательских технологий, расширением читательской аудитории и актуализацией формата литературной антологии. Это в свою очередь привело к появлению в интересующий нас период² множества литературных антологий, в которых доминирует общая интенция предоставить читателю/читательнице полные издания лучших образцов русской поэзии и прозы и, как следствие, сформировать литературную иерархию.

В 1850–1860-х гг. циркулировали разные по формату, составу и целевой аудитории антологии. Обследовав *de visu* большой массив сборников этого периода, мы обнаружили, что среди них можно выделить несколько типов изданий по их целевой аудитории и формату: антологии для народа, для дам и девиц, для легкого чтения, антологии избранной и лучшей русской поэзии и прозы для более «продвинутых» читателей (как правило, это образованные мужчины), антологий для солдатского чтения, юмористические сборники, а также сборники, отвечающие «на злобу дня». В нашем исследовании мы сосредоточились на первых четырех типах сборников, которые можно назвать антологиями. Главный вопрос, на который мы попытаемся ответить в этой статье: какие тенденции в репрезентации текстов проявились в этих литературных антологиях 1850–1860-х гг.³ и как они соотносятся с гендером, социальным статусом, культурным и материальным уровнем целевой аудитории этих изданий, моделируемый издателями образ которой возможно реконструировать, исходя из анализа книжной материальности⁴? Материальные характеристики, или, по Ж. Жеттуту, «паратекст» [8], как и содержание, формируют целевую аудиторию книг исходя из представлений издателей о ее составе, интересах, запросах и покупательной способности⁵, а любая форма, носитель текста, структура его распространения и рецепция влияют на его смысл и интерпретации. Это касается в том числе и антологий как особого книжного жанра [10. С. 37; 11. Р. 20–21; 12. Р. 366–367, 376].

Литературная форма антологий в России возникла в 1810-е гг., когда общество «Арзамас» с помощью антологий и сборников образцовых текстов конструировало свой литературный канон [1. С. 532–600]. Начало так называемой антологической лихорадке было положено предпринятым в 1810 г. В.А. Жуковским изданием «Собрания русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов...», в котором он

стремился сформировать русский стихотворный пантеон на основе достоинств конкретных текстов, а не их авторов, а также обозреть всю русскую стихотворную традицию. С этой же целью в 1815–1817 гг. выходило «Собрание образцовых русских сочинений и переводов», издатели которого возложили на себя «миссию главных арбитров современной русской литературы и собственноручных создателей ее летописи и истории» [1. С. 588]. Схожая легитимирующая современную литературу стратегия стала одной из доминирующих в антологиях 1850–1860-х гг.⁶

В 1820–1830-х гг. антология была потеснена альманахом, который стал ведущей издательской формой. В это время за ним закрепляется определенный и ставший впоследствии каноничным формат карманной книжки, который формирует принцип обращения к ней «как к источнику умственных наслаждений, игры воображения» [2. С. 28–29]. Небольшие произведения, отрывки, фрагменты – это специфика жанра альманаха и сущность его поэтики⁷. В это время альманах *comme il faut* представлял собой небольшого размера сборник новых поэтических и прозаических произведений, «это была изящная и довольно дорогая “вещь”, подарок (чаще всего – к Новому году), компонент антуража светской гостиной. Поэтому нередко не менее, а иногда и более важными в нем (по сравнению с содержанием) были для современников внешние признаки (формат, качество оформления, срок выхода и т.д.)» [3. С. 71]. Еще одной отличительной чертой альманахов этого периода можно назвать их заглавия («Аониды», «Лира граций», «Мнемузина» и т.д.), поэтика которых предопределяла их узнаваемость на фоне других типов печатной продукции. А.И. Рейтблат отмечает, что альманахи становились источниками текстов для альбомов⁸, через которые литература проникала в круг женского чтения. Ставя своей целью привлечение внимания к отечественной литературе, издатели альманахов отказывались от включения в их состав переводов, что способствовало приобщению широких слоев образованного населения к отечественной литературе. Организующим элементом композиции альманаха выступала не столько тематика входивших в его состав произведений, сколько выбор авторов и умелое совмещение их имен.

В противоположность этой традиции главной задачей издания, пожалуй, самого значимого русского литературного сборника 1840-х гг. «Физиология Петербурга» стала глубокая социальная характеристика современности. В нем акцент был поставлен не на авторах, ради которых этот сборник стоит приобрести, а на темах, затронутых в нем и важных для общества [5. С. 78].

С 1850-х гг. можно наблюдать возрождение культуры издания антологий, составленных не по тематическому признаку, а по авторскому⁹, в которых на первый план выходит фигура автора, что позволяет говорить об интенции издателей-составителей сформировать свою литературную иерархию. В центр издательской практики вновь выдвигаются антологии легитимирующей современную литературу направленности (за счет соотнесения современных авторов с

литературными авторитетами), однако эта традиция пересекается с актуализацией важных принципов в стратегиях репрезентации письменного текста в альманахах 1820–1830-х гг.¹⁰

2. Стратегии репрезентации текста в различных типах литературных антологий. На смену альманахам 1820–1830-х гг. в 1840-е гг. пришли толстый журнал и издания совсем другого формата – большие и объемные книги, прозаические сборники. Они изменили издательский рынок и культуру, дополнили ее целым рядом «физиологических сборников» и привлекли внимание новых читателей к отечественной литературе.

Принято считать, что 1840–1850-е гг. в литературном поле были периодом доминирования прозы и толстых журналов, когда поэтические антологии ушли на периферию. Однако с середины 1850-х гг. можно говорить о реактуализации литературной антологии как культурной формы и обновлении ее формата в связи с тем, что меняется структура литературного поля и появляются новые группы читателей, на вкусы, запросы и покупательную способность которых были ориентированы новые типы печатной продукции. В это же время можно наблюдать возрождение и возрастание интереса к поэзии, что проявилось как в издании множества поэтических сборников и антологий, так и в актуализации некоторых поэтов: М.Ю. Лермонтова [19. С. 28–46], Байрона [20; 21. С. 8–25], Р. Бернса [22. С. 62–71] и др. Именно с этими процессами было связано сходство большинства литературных антологий 1853–1871 гг. с антологиями 1810-х гг. в их прагматике и с альманахами 1820–1830-х гг. в их формате и особенностях книжной материальности. Поэтому большая часть книжного рынка литературных антологий 1850–1860-х гг. представлена компактными, карманного формата, поэтическими сборниками¹¹ с иллюстрациями, виньетками, затыливыми шрифтами и очень характерными, узнаваемыми названиями: «Купидон», «Незабудочка», «Русская лира», «Новый поэтический свет», «Альбом...», отсылающими к поэтике заглавий сборников «альманажного периода». Такой возврат к прошлому и ориентация на него были предопределены самой цикличностью культуры и принципами культурной реактуализации. Наряду с ориентацией на прагматику антологий 1810-х гг. и формат альманахов 1820–1830-х гг., актуализируется традиция издания крупноформатных литературных сборников 1840-х гг.

Среди представленных в нашем датасете антологий прослеживается тенденция: определенный формат и материальные характеристики изданий коррелируют с их содержанием. Все 23 антологии условно можно разделить на две категории: карманного (14×10 см) и книжного формата (21,5×14,5 см). К первой категории относятся такие антологии, как «Незабудочка. Дамский альбом, составленный из лучших статей русской поэзии» 1853 г. (размер: 15×12 см), «Библиотека для легкого чтения, или Собрание стихотворений, басен, анекдотов, сцен, загадок, отгадок и описание разных исторических событий» 1857 г. (размер: 15×11 см), «Литературная ералаш из повестей, рас-

сказов, стихов и драматических сцен современных русских писателей» 1858 г. (размер: 16×11 см), «Купидон. Собрание лучших стихотворений современных русских поэтов» 1865 г. (размер: 13×8 см), «Альбом стихотворений, песен, куплетов, баллад и романсов с прибавлением свадебных, святочных и подблюдных песен, выбранных из сочинений лучших русских поэтов. Для молоденьких дам и девиц» 1867 г. (размер: 14×9 см) и др. Ко второй категории – «Сборник лучших произведений русской поэзии» 1858 г. (размер: 22×14 см), «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдным и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина» 1862 г. (размер: 20×13 см), «Старые знакомые. Сборник статей в стихах и прозе для легкого чтения» 1863 г. (размер: 26×16 см), «Новые писатели. Сборник литературных произведений, изданный под редакцией Н. Тиблена» 1868 г. (размер: 21×14 см) и др. (см. Приложение 1).

В зависимости от темы и ориентации на определенную читательскую аудиторию изменяется формат этих антологий. Так, антологий для женщин, для легкого чтения (кроме сборника «Старые знакомые. Сборник статей в стихах и прозе для легкого чтения») и поэтические антологии (с характерными для альманахов начала XIX в. названиями, которые формируют облик книги и влияют на конструирование потенциальной читательской аудитории) изданы преимущественно в карманном формате, традиционно закрепленном за поэтическими сборниками. Антологии для народа, антологии с образцами лучшей русской поэзии и прозы и сборники с текстами новых авторов представлены в книжном формате, который чаще всего используется для издания солидных сборников в стихах и прозе, и в формате А5 (20×14,5 см).

Можно констатировать, что в сознании издателей и редакторов-составителей крупноформатные антологии в стихах и прозе и антологии для народа отличались от сборников карманного формата по своему назначению и прагматике. Такому взгляду на книги для народного чтения можно найти несколько объяснений: во-первых, книги карманного формата нередко брали с собой в дорогу или путешествие, что было доступно только обеспеченным людям, представителям высших сословий, во-вторых, они являлись неизменным атрибутом салонной культуры и светской гостиной, в-третьих, компактные, богато украшенные поэтические антологии с иллюстрациями, гравюрами, виньетками, красивой обложкой и хорошей бумагой нередко преподносились в качестве подарка [3. С. 77; 23. С. 186].

Прагматика и идеология антологий для народа были иными и напрямую вытекали из самой специфики «народного чтения». Книжный формат таких антологий позволял поместить в них большее, чем в карманной книжке, количество текстов и напечатать их целиком, а не в виде отрывков и фрагментов, сделать содержание разноплановым (в такие сборники нередко входили фольклорные тексты, отрывки из Библии, житийная литература, статьи по сельскому хозяйству, художественная литература, отрывки из исторических сочинений и т.д.), увеличить размер шрифта. Кроме того, в народе

книги воспринимались как сакральный объект по аналогии с Библией, по которой учились читать (см. рис. 1, 2, на которых показано, как издатели антологий для народа инкорпорировали в их материальную составляющую узнаваемые черты религиозных и священных книг), поэтому антологии для народного чтения нередко печатали в крупном, книжном, формате, довольно большими томами и для защиты от повреждений помещали в плотный переплет. Тем самым такие издания уподоблялись сакральным книгам, которые бережно хранили в семье как важный предмет в почетном, специально отведенном им месте и аккуратно использовали. А владение религиозной книгой подчеркивало и укрепляло статус ее владельца, что обеспечивало ей хорошую сохранность [24. С. 323, 331]. Поскольку среди крестьян были люди разного достатка, а издательская деятельность, как и любая другая коммерция, ориентируется в первую

очередь на представления о покупательной способности целевой аудитории, репертуар книг для народа был неоднороден: на более зажиточных представителей крестьянства были нацелены крупноформатные антологии в хорошем переплете и с качественными иллюстрациями (как, например, сборник «Пчела» 1865 г.), неграмотные и менее состоятельные крестьяне предпочитали дешевые лубочные издания [24. С. 326–327]. По своему содержанию и целевой аудитории схожими с антологиями для народа оказываются сборники для легкого чтения, который были адресованы невзыскательному читателю среднего образовательного и культурного уровня, поэтому нередко они состояли из юмористических текстов, сенок и зарисовок. Однако можно сказать, что эта достаточно разнородная группа антологий очень показательна для иллюстрации общих издательских тенденций 1850–1860-х гг.

Рис. 1. Авантаитул антологии для народного чтения «Пчела» 1865 г., в названии которого использован церковнославянский шрифт, принятый для набора богослужебных книг и церковнославянских текстов

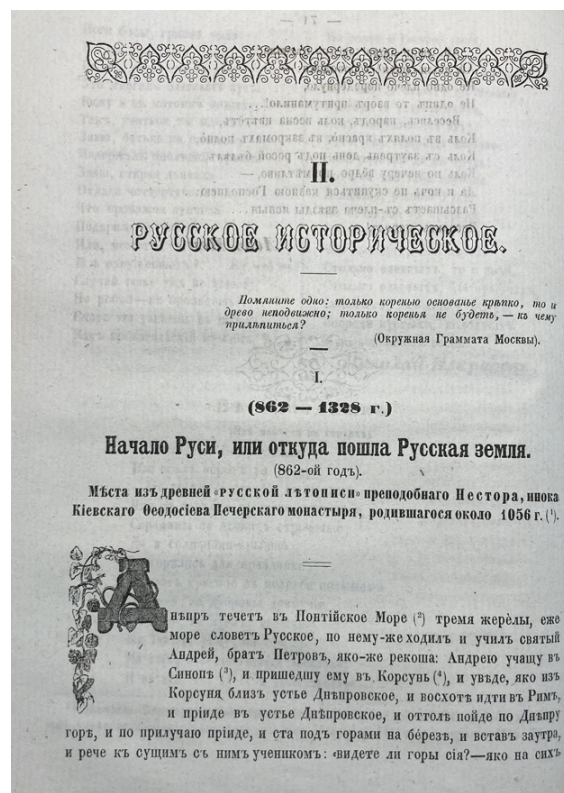

Рис. 2. Страница 72 антологии «Пчела» 1865 г. Текст на этой странице (как и многие другие тексты в антологиях) начинается с буквы – затейливо оформленной и украшенной первой буквы текста, принятого украшения священных текстов

Теперь перейдем к разговору о другом типе антологий, которые можно выделить в отдельную группу, – антологии с образцами лучших стихов и прозы. Издатели позиционировали их как издания для серьезных читателей-мужчин, которые обращаются к такой книге не для того, чтобы взять ее в салон или скоротать время в дороге, не для развлечения, а для получения сложного интеллектуального и эстетического удовольствия от приобщения к лучшим образцам художественной литературы. Поэтому тексты в такие антологии помещались не по тематическому сходству (в отличие от антологий для «женского» чтения, большую часть содержания которых занимали лирические сти-

хотворения о любви), а по значимости в культурной иерархии. Содержание в них превалировало над формами его репрезентации, за исключением значимости таких материальных характеристик, как качество бумаги и обложки и формат издания, непременно книжный, а значит, солидный. Книжный формат этих изданий противопоставлял их тем же по направленности антологиям, но с характерными для альманахов первой трети XIX в. заглавиями (например, «Купидон. Сборник лучших стихотворений современных русских поэтов»). Таким образом, присущая этому типу антологий 1853–1871 гг. сдержанность (в оформлении, заглавиях, в отсутствии иллюстраций, украшений) отражала пред-

ставление их издателей о целевой аудитории этих книг и ее покупательной способности (поэтому бумага в таких антологиях отличалась высоким качеством) – серьезных читателей-мужчинах, в отличие от более эмоциональных, поверхностных и менее интеллектуально возвышенных и продвинутых читательниц, которым предназначались книги другого типа.

Книжной материальности антологий для дам и девиц придавалось большее значение. Во многом от ее особенностей зависит и предполагаемое назначение книги: карманный формат издания соотносится с представлением о развлекательной литературе для досуга, с женским чтением и с литературой салонной, светской, которой во второй половине XIX в. отдавали предпочтение по преимуществу женщины (такая литература больше не считалась серьезным и общественно полезным занятием для мужчин)¹², – это довольно компактные издания с небольшим количеством страниц и некрупным шрифтом (рис. 3). Однако, несмотря на общую стереотипность формата и содержания антологий для женщин, стоит отметить, что реактуализация такого типа изданий – это наследие предшествующего периода, а внимание к женскому чтению может быть связано как с вопросом об инклюзии женщин в традиционно мужскую литературу (посредством, к примеру, схожих репертуаров антологий), так и с общими тенденциями журнальных дискуссий, в которых обсуждалось образование и круг чтения женщин¹³.

Таким образом, формат издания содержал в себе образ потенциальной читательской аудитории, а ее моделирование находилось в прямой зависимости в том числе от материальных характеристик книги. По-

этому чаще всего именно антологии для дам и девиц, для народа и для легкого чтения были снабжены виньетками, иллюстрациями, гравюрами, причудливым шрифтом и яркими обложками. Получается, что литературный вкус, интеллектуальный, образовательный уровень и объем культурной памяти неискушенных читателей/читательниц этих антологий значительно уступают и отличаются от (ре-)конструируемого образа потенциального читателя крупноформатных книг в прозе и стихах, на страницах которых не найти разного рода украшений, иллюстраций и пояснительных примечаний, комментариев. А статус антологий, в которых большое внимание уделено книжной материальности, оказывается ниже в культурной иерархии. Соответственно, эти характеристики формируют как образ аудитории антологий для народа, для женщин, так и образ читателя толстых журналов и далее – образ потенциальной читательской аудитории объемных и солидных антологий лучшей русской поэзии и прозы.

Примечательно, что в некоторых антологиях для народного чтения (например, «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина») и для женщин (к примеру, сборник «Русская лирическая поэзия для девиц») приведены примечания, объясняющие «темные» места в стихотворениях (см. рис. 3) и поясняющие выражения, которые могут быть непонятны читателю этих антологий, а также краткие биографии некоторых русских поэтов-классиков (В.А. Жуковский, А.В. Кольцов, Е.А. Баратынский, И.С. Никитин и др.).

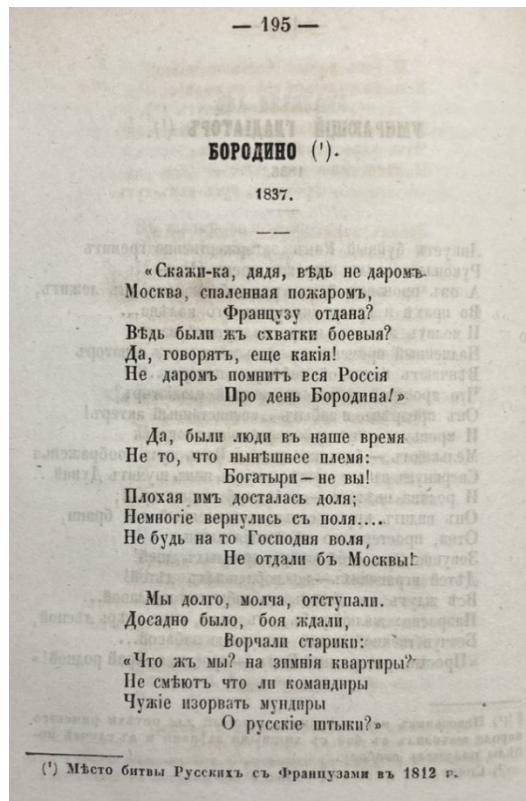

Рис. 3. Страница 195 антологии «Русская лирическая поэзия для девиц» 1859 г.

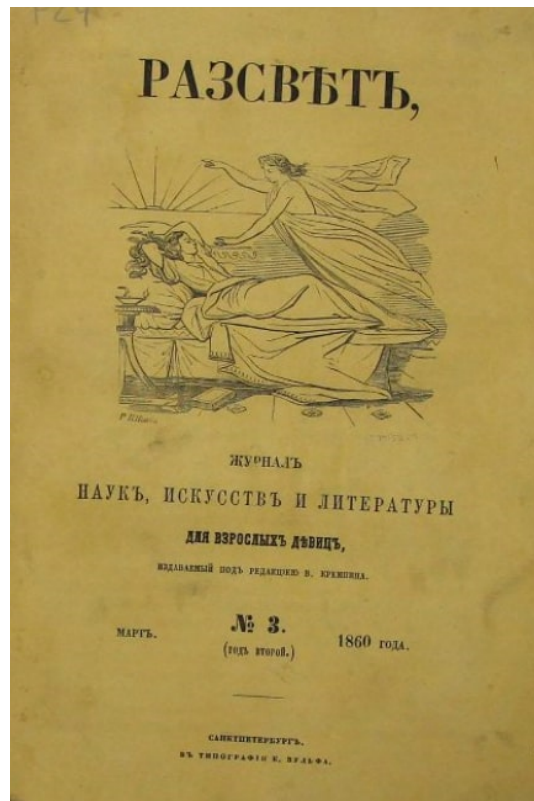

Рис. 4. Рассвет. Журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц. 1860. № 3

Сближение образов этих двух категорий читателей и читательниц конца 1850–1860-х гг. имеет общее идеологическое основание: риторика «пробуждения ото сна» и «возрождения», с одной стороны, легла в основу русского национализма второй половины XIX в. и использовалась русскими реформаторами начала 1860-х гг. [28. С. 149], которые хотели «пробудить ото сна» народ (в первую очередь, крестьян), а с другой – сформировала идейный облик журнала «Рассвет. Журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц» (1859–1862), на обложках первых номеров которого была изображена спящая девушка, которую пробуждает от глубокого сна женщина, олицетворяющая, вероятно, знание и образование (рис. 4). Через книжную материальность и формы репрезентации текста, таким образом, транслировалось представление издателей этих антологий об их потенциальной читательской аудитории.

Литературные антологии в 1850–1860-х гг. приобретают принципиально новые черты, связанные с социально-политическими тенденциями своего времени, в частности со стремлением к демократизации литературы. Отсутствие в некоторых изданиях ряда признаков альманаха *comme il faut* (таких как яркая, привлекательная обложка, хорошего качества белая, плотная бумага, обязательное наличие иллюстраций и разного рода украшений в тексте), рост рынка и развитие издательских технологий способствовали удешевлению печатной продукции, что в свою очередь привело к расширению читательской аудитории за счет самых разных слоев общества. Во многих антологиях 1853–1871 гг. бумага была среднего или низкого качества: не очень плотная, грубая, тонкая, – как, например, в томах «Для лег-

кого чтения» 1856–1859 гг., в сборнике «Русская лирическая поэзия для девиц» 1859 г., «Русская лира, составленная из произведений новейших поэтов» 1860 г., «Заря. Сборник для легкого чтения...» 1868 г., в «Сборнике рассказов в прозе и стихах» 1871 г. и др.

Нередко предпочтение отдается другим характеристикам книги: ее дешевизне, доступности, компактности, актуальности содержания. Именно эти особенности «Для легкого чтения» подчеркивал Н.Г. Чернышевский в первом журнальном сообщении об издании первых двух томов сборника: «Обращаем внимание читателей на дешевизну издания, так как эта попытка у нас совершенно новая, принадлежащая магазину, недавно начавшему свою деятельность, – попытка, которую весьма приятно было бы видеть поддержанною со стороны публики: за 400 компактных страниц текста, написанного известными писателями, издатели назначили 1 р. сер. Это, действительно, дешево» [18. Т. III. С. 536–537]¹⁴.

Однако все эти интенции не отменяют другую, на первый взгляд противоположную, тенденцию: в некоторых антологиях 1853–1871 гг. в оформлении и репрезентации текста и обложки использованы виньетки, затейливые шрифты, а в особых случаях – иллюстрации (например, в сборнике для женщин «Незабудочка» «оригинальные картинки» Педанова выступают в роли дополнений к романтическим стихотворениям, изображают быт знатной дамы – раскладывание пасьянса, подготовка к маскараду, музицирование, погруженность в задумчивость, – тем самым делая эту антологию подобием альманахов 1820–1830-х гг. и формируя образ ее читательской аудитории, отражая представления издателя сборника о ней; см. рис. 5–9).

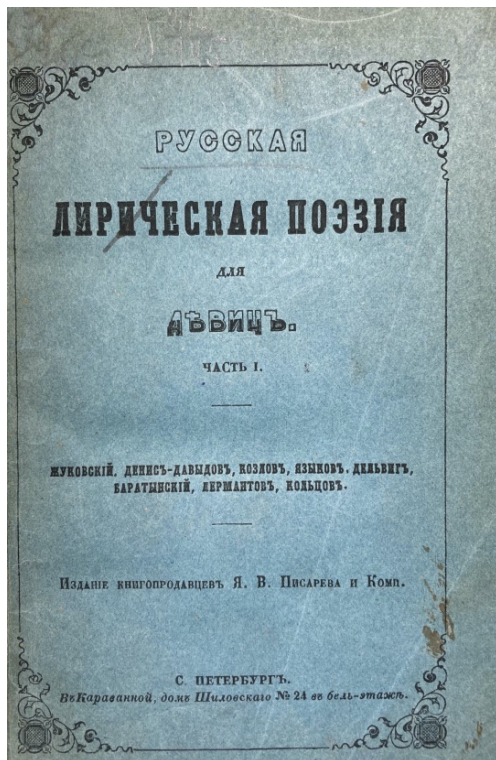

Рис. 5. Обложка антологии «Русская лирическая поэзия для девиц» 1859 г.

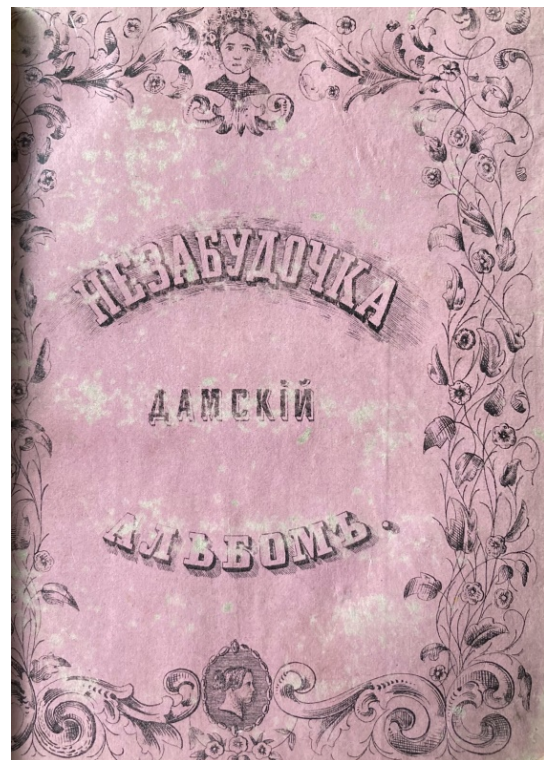

Рис. 6. Обложка антологии «Незабудочка» 1853 г.

Рис. 7. Иллюстрация из антологии «Незабудочка» 1853 г.

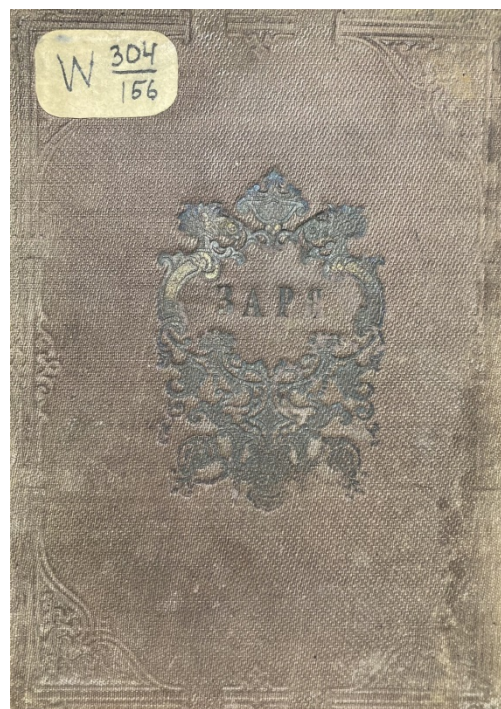

Рис. 8. Переплет антологии «Заря» 1868 г.

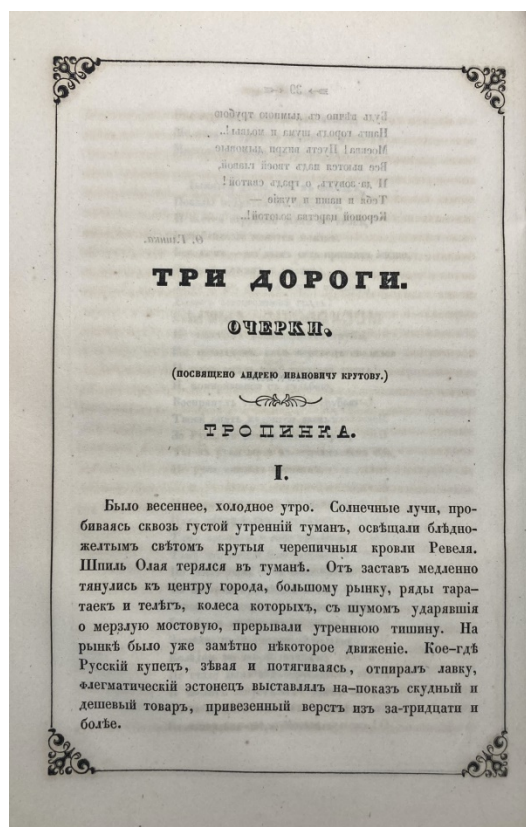

Рис. 9. Страница 40 антологии «Старые знакомые» 1863 г.

Рис. 10. Переплет антологии для народного чтения «Пчела» 1865 г.

Это же стремление сделать литературу более доступной для представителей разных сословий прослеживается в схожем отношении к книжной материальности антологий для народа, антологий с произведениями новых писателей и антологий в прозе и стихах: бумага среднего или низкого качества (тонкая, грубая и

не белая – это касается, как правило, только антологий для народа), шрифт средний или крупный, приоритет содержания перед внешними характеристиками и оформлением, отсутствие ярких и привлекательных обложек, затейливых шрифтов и т.д. Хотя в антологиях для народного чтения есть иллюстрации (которые в

целом являются признаком изданий для неискушенных в литературе читателей и читательниц, т.е. для детей, женщин, народа, противопоставленных серьезным читателям-мужчинам), общий внешний вид и репрезентация текста далеки от книжной материальности изящных, дорогих сборников, которые чаще всего преподносились в качестве подарка. Иллюстрации в антологиях для народа выполняли особую функцию, связанную прежде всего с назидательно-просветительскими идеями их издателей и представлениями о (моделируемой и потенциальной) читательской аудитории таких книг (рис. 11–14). Так, издатель сборника «Пчела» Н.Ф. Щербина описывал цели издания книги для народа: «(1) чтоб доставить народу, при развитии понятий,

познания, необходимые, как воздух, каждому человеку вообще и русскому простолюдину в особенности; 2) чтоб содействовать в народе к большому развитию нравственного, человеческого чувства, в строгом соотношении с духом, нравами, обычаями, историей, обстановкой и бытом русского простонародья. Притом же для народа нужно так составить книгу, чтобы было в ней: “чего хочешь – того просишь”» [17]. К примеру, на переплете¹⁵ этой антологии (см. рис. 10) изображена крестьянская семья, сидящая за столом (кроме матери, которая стоит с ребенком на руках) под красным углом, что задает горизонт ожидания о наполнении сборника, его назначении и конструируемой им читательской аудитории.

Рис. 11. Иллюстрация «Иверские ворота в Москве» из антологии «Пчела» 1865 г.

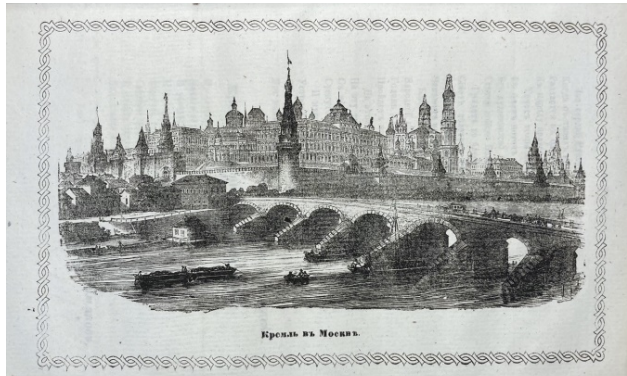

Рис. 12. Иллюстрация «Кремль в Москве» из антологии «Пчела» 1865 г.

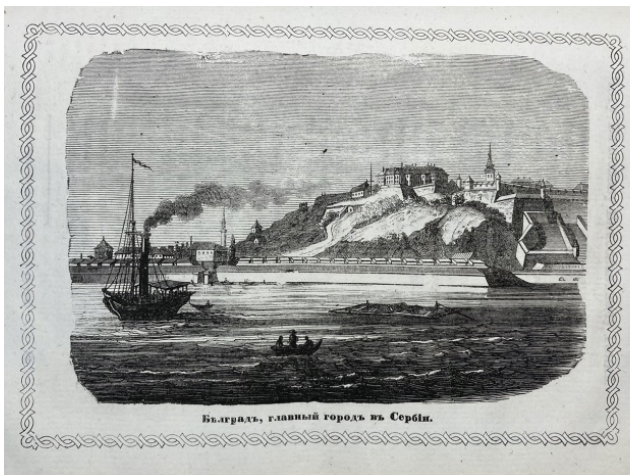

Рис. 13. Иллюстрация «Белград, главный город в Сербии» из антологии «Пчела» 1865 г.

Рис. 14. Иллюстрация «Серб» из антологии «Пчела» 1865 г.

Иллюстрации с изображением Кремля, Иверских ворот, Белграда, серба, церквей и соборов, Царь-пушки, Адмиралтейской площади, надгробного памятника Ломоносову, «посольства нижегородцев к Пожарскому» и т.д. из антологии «Пчела» не только знакомили читателя с наиболее культурно и исторически значимыми локусами и некоторыми событиями российской истории, но и отражали господствующий

назидательно-просветительский и патерналистский дискурс. За счет таких иллюстраций и соответствующих им по содержанию текстов читатели этой антологии приобщались к наследию русской культуры и становились полноправными ее носителями как новые члены современного общества, которых, таким образом, вовлекают в сферу обсуждения общественно значимых вопросов.

Изображение Белграда и серба (в сборнике это единственные изображения выходящих за пределы Российской империи мест и национальностей) настраивали идеологическую оптику, через которую читатель антологии воспринимал ее содержание и дополняющие его иллюстрации. Эта оптика связана в первую очередь с политикой империи по отношению к Балканскому полуострову, православное славянское население которого воспринималось как братья меньшие, нуждающиеся в протекции «брата большого»¹⁶, а также с подавлением польского восстания 1863–1864 гг.¹⁷ Свидетельством этому может быть еще недавний опыт (на момент издания «Пчелы» в 1865 г.) опыт Крымской войны и причины, побудившие Российскую империю вступить в нее¹⁸.

Кроме того, иллюстрации в таких типах изданий, будучи приравненными к печатному слову, обеспечивали доступность книг для понимания и чтения. Поскольку печатный текст был недавним нововведением в «медиапотреблении» народа, возникла необходимость в такой гибридной форме, сочетающей изображения и текст. Иллюстрации, более наглядные и знакомые, облегчили восприятие и понимание текста людьми, которые только недавно выработали привычку читать [31. С. 192].

Книжный формат проанализированных в статье антологий среди изданий своего времени вновь обре-

тает популярность и актуальность к концу 1850-х гг., что связано в первую очередь с зарождением новой читательской аудитории. Формат чтения для пользы был противопоставлен как своей формой, так и наполнением, легкой литературе (которая чаще всего была адресована образованным горожанам, мещанам, купцам, рабочим) и литературе рафинированной, салонной, т.е. женской, литературе для досуга и удовольствия. Однако, несмотря на две отличные друг от друга издательские тенденции и различия в формате и содержании, некоторые антологии 1853–1871 гг. оказываются объединенными общим «инклюзивным» направлением и стремлением к демократизации литературы, удешевлению материальной составляющей книг, что в конечном счете приводит к расширению читательской аудитории и распространению литературы среди представителей разных социальных слоев. Таким образом, издатели антологий, ориентируясь на вкусы, запросы и покупательную способность своей целевой аудитории и свое представление о ее культурном и образовательном уровне, с помощью различных стратегий репрезентации письменного текста формировали ее облик. Рецепция интересующих нас антологий реальными читателями и читательницами выходит за рамки нашей темы и может стать предметом отдельного исследования по истории и социологии чтения.

Приложение 1

Список антологий, вошедших в датасет

1. Альбом стихотворений, песен, куплетов, баллад и романсов с прибавлением свадебных, святочных и подблюдных песен, выбранных из сочинений лучших русских поэтов. Для молодых дам и девиц / изд. В. Шатаев. СПб., 1867. 100 с.
2. Библиотека для легкого чтения, или Собрание стихотворений, басен, анекдотов, сцен, загадок, отгадок и описание разных исторических событий : в 4 т. М., 1857. 82; 96; 97; 109 с.
3. Для легкого чтения: Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей : в 9 т. СПб., 1856–1859. 363; 399; 368; 335; 392; 404; 359; 367; 352 с.
4. Заря. Сборник для легкого чтения, составленный из произведений В. Бенедиктова, Ф. Берга, П. Вейнберга, И. Генследа, Н. Гоголя, И. Горбунова, Ф. Зиновьева, В. Крестовского, В. Курочкина, Л. Мея, Д. Минаева, Н. Некрасова, А. Плещеева, Н. Помяловского, Н. Соколового, А. Толстого, Н. Успенского, Н. Щедрина и др. / изд. А.А. Дубровин. Казань, 1868. 232 с.
5. Купидон. Собрание лучших стихотворений современных русских поэтов / изд. И.М. Аврорин. М., 1865. 215 с.
6. Литературная ералаш из повестей, рассказов, стихов и драматических сцен современных русских писателей. М., 1858. 242 с.
7. Незабудочка. Дамский альбом, составленный из лучших статей русской поэзии Жуковского, Пушкина, Крылова, Лермонтова, Грибоедова, Ростопчиной, Козлова, Бенедиктова, Жадовской, Кольцова, Подолинского, Давыдова, Фета, Щербины, Корсакова, Тургенева, Майкова, Губера и 10-ю ориг. картинками Г. Педанова. СПб., 1853. 176 с.
8. Новые писатели. Сборник литературных произведений, изданный под редакцией Н. Тиблена. Т. 1. СПб., 1868. 364 с.
9. Новый поэтический свет. Альманах / изд. Д.П. Ломачевский и П.И. Вайнберг. М., 1857. 84 с.
10. Пчела. Сборник для народного чтения и употребления при народном обучении / сост. Н. Щербина. СПб., 1865. 502 с.
11. Русская лира. Хрестоматия, составленная из произведений новейших поэтов. СПб., 1860. 156 с.
12. Русская лирическая поэзия для девиц. Жуковский, Денис Давыдов, Козлов, Языков, Дельвиг, Баратынский, Лермонтов, Кольцов / изд. В. Стоюнин. СПб., 1859. 267 с.
13. Сборник избранных мест из произведений современных русских писателей. Вып. 1–2. СПб., 1859–1860. 203; 208 с.
14. Сборник лучших произведений русской поэзии / изд. Н.Ф. Щербина. СПб., 1858. 471 с.
15. Сборник рассказов в прозе и стихах. СПб., 1863. 124 с.
16. Сборник рассказов в прозе и стихах / изд. К.Н. Смердынский. СПб., 1871. 160 с.
17. Сборник русских стихотворений для чтения простолюдином и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина / изд. П.В. Алабин. СПб., 1862. 124 с.
18. Сборник статей для народного чтения. Вып. 1–2. Киев, 1868. 212; 200 с.
19. Сборник стихотворений известных русских писателей. СПб., 1862. 134 с.
20. Сборник юмористических и сатирических современных стихотворений из сочинений Некрасова, Курочкина, Бенедиктова, Стародубского, Скорбного поэта, Обличительного поэта, Костомарова, Розенгейма и прочих / Изд. А. Захаров. Казань, 1866. 130 с.
21. Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов / Изд. В. Гергард. Лейпциг, 1858. 272 с.
22. Современники. Сборник литературных статей русских писателей. Т. 1–4. СПб., 1863. 346; 376; 358; 382 с.
23. Старые знакомые. Сборник статей в стихах и прозе для легкого чтения. СПб., 1863. 314 с.

Примечания

¹ Для сравнения: судя по данным из книги Н. Смирнова-Сокольского, в первой половине 1850-х гг. было издано 37 сборников и альманахов, во второй половине – 64. Итого: 101 [6].

² 1853–1871 гг. условно можно считать «эпохой 1860-х гг.». Такой временной промежуток выбран из-за его значимости в историческом, культурном и общественном отношении, поскольку эти годы Великих реформ характеризуются заметным подъемом национального самосознания и гражданственности, а также возникновением различных общественных движений и инициатив. Поэтому одной из задач нашего исследования стало выявление основных тенденций в репрезентации книжной материальности в сборниках этого периода, объединенного общей идейной рамкой.

³ Статья основана на материале опубликованного датасета «Лучшие образцы русской литературы (1853–1871): сборники избранной поэзии и прозы, сборники для легкого чтения, сборники для народа и дамские сборники» [7]. Принципы отбора литературных антологий для датасета, а также их перечень указаны в приложении – *readme*. Общее количество антологий в датасете – 23 издания.

⁴ Наши выводы относительно характера и прагматики 23 сборников 1853–1871 гг. основаны на реконструкции тех издательских стратегий, которые непосредственно воплощены в материальных характеристиках печатной продукции. Еще один важный аспект, не затронутый в статье, тема которой узко и специфически ограничена рамками определенного вопроса о стратегиях репрезентации письменного текста, – это культурная экономика.

⁵ Ср. со словами Ю.М. Лотмана о том, что художественный текст содержит в себе образ читателя/читательницы, который можно реконструировать исходя из имплицитной коммуникации с аудиторией, заложенной в тексте: «...всякий текст (в особенности художественный) содержит в себе то, что мы предпочли бы называть образом аудитории, и что этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом» [9. С. 161].

⁶ Об институциональном потенциале литературных антологий и их влиянии на формирование литературного канона, читательских практик и привычек, репутаций авторов и текстов см.: [11. Р. 10, 16; 12; 13. Р. 404–414; 14. Р. 6; 15. Р. 287; 16. Р. 35, 53].

⁷ Это же подчеркивал и Н.Ф. Щербина уже в 1865 г. предисловии к сборнику для народного чтения «Пчела», в чем проявляется преемственность между изданиями 1820–1830-х и 1850–1860-х гг.: «Несмотря на видимую отрывочность большей части статей, обусловливаемую самим родом книги, все они заключают в себе в известном отношении (при известного рода соображениях и приемах редакции) целостное, определительно-законченное, удовлетворяющее читателя содержание, и, притом, сопровождаемое, где нужно, примечаниями и изложением, от составителя вкратце, выпущенных мест» [17].

⁸ Ср. характерные названия сборников – «Альбом стихотворений, песен, куплетов, баллад и романсов с прибавлением свадебных, святочных и подблюдных песен, выбранных из сочинений лучших русских поэтов. Для молодых дам и девиц» 1867 г. и «Незабудочка. Дамский альбом, составленный из лучших статей русской поэзии...» 1853 г., ориентированных на традицию альбомов начала XIX в.

⁹ См., например, название антологий «Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов» 1858 г., «Русская лирическая поэзия для девиц. Жуковский, Денис Давыдов, Козлов, Языков, Дельвиг, Баратынский, Лермонтов, Кольцов» 1859 г., «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина» 1862 г. Кроме того, содержание некоторых антологий было представлено множеством разделов, посвященных конкретным авторам, нередко с краткими биографиями и портретами.

¹⁰ Об актуализации этой тенденции свидетельствуют слова Н.Г. Чернышевского из рецензии на первый том «Библиотеки для дач, пароходов и железных дорог» 1855 г.: «Мы желали бы предсказать успех изданию, предпринимаемому г. Смирдиным: мысль издать собрание повестей и романов заслуживает одобрения; для сборника выбран миньютюрный формат (в 24 долю листа), довольно красивый; шрифт, которым напечатана первая книжка, хорош; бумага очень недурна, – одним словом, внешний вид издания говорит в его пользу» [18. Т. II. С. 755–756].

¹¹ Из 1417 текстов, вошедших в состав нашей базы данных, 89,5% приходятся на поэзию и только 9,4% – на прозу (это 1 268 и 134 текста соответственно). Остальные 0,91% приходятся на драму (13 текстов).

¹² Ср. рецензии на произведения некоторых писательниц, в которых критики считали недостатком их «салонность» и «светскость», не соответствовавшие идейным направлениям своего времени: [18. Т. II. С. 222–232; 25. С. 171–183; 26. С. 473–490].

¹³ Хотя в теории обсуждения «женского вопроса» в России не эксплицитно выделяли женщин в отдельную читательскую категорию, на практике оказывалось, что антологии для женщин были удобным педагогическим и идеологическим инструментом в рамках господствующего патерналистского дискурса для реализации идей о том, какой должна быть современная женщина и как она должна быть образованна и развита для того, чтобы иметь возможность воспитывать своих детей в соответствии с новым идеалом просвещенного и осознанного человека, формировать нравственный облик общества. Поэтому оказывается вновь востребованной традиция издания антологий для женщин, в которых очерчивается круг женского чтения. Несмотря на общие инклюзивные интенции, в 1860-х гг. «основным сюжетом либерально-демократической прессы было рассмотрение женщины как “матери и воспитательницы человечества”» [27. С. 89] и одной из интерпретативных схем в дискурсе женского вопроса был фрейм объективации женщин и определения ее положения как зависимого по отношению к мужчине.

¹⁴ Например, стоимость одной книги в серии А.Ф. Смирдина «Библиотека для дач, пароходов и железных дорог» 1855–1856 гг. в среднем равнялась 50 коп. Цена на книги для народа варьировалась от 3 до 30 коп. [29. С. 130–147], в то время как средняя цена поэтической книги или сборника, отдельного издания популярного романа была 1 руб. 50 коп. (например, «Сборника лучших произведений русской поэзии» 1858 г., который издал Н. Щербина). На таком фоне некрасовский сборник «Для легкого чтения» (цена: 1 руб. сер.) был не таким уж дешевым и позволить себе его могли только довольно состоятельные люди. Об этом свидетельствует и содержание сборника – лучшая современная беллетристика и поэзия, взятая со страниц наиболее авторитетных журналов того времени.

¹⁵ Мы разграничиваем два типографских термина: книжная обложка и переплет. Большинство интересующих нас антологий были изданы в «мягких» обложках, а затем помещались в переплеты их владельцами. Однако в нашей базе данных есть несколько антологий, изданных в твердых переплетах (это утверждение основано на просмотре всех имеющихся в РГБ и РНБ экземпляров этих антологий).

¹⁶ Ср. с этим позицию И.А. Гончарова, который в это же время в очерках «Фрагата “Паллада”» легитимизирует свой патриотический энтузиазм через идею прогресса, отмену крепостного права, миссионерство и идеализированную цивилизационно-просветительскую миссию Российской империи [30. С. 115].

¹⁷ См. об этом: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре. М.: НЛЮ, 2010. С. 163–227.

¹⁸ Ср. с этим слова Н.Ф. Щербина – издателя и составителя антологии для народа «Пчела» – из предисловия к изданию: «По статьям, здесь собранным и представляющим по мере возможности совокупностью своею бытовую, практическую историческую, патриотическую и нравственную сторону Русской жизни, образцы Русского языка и словесности, знакомство с отечественными писателями, а также и ознакомление собственно с Великорусским народом, по всем этим данным предлагаемую книгу можно употреблять в видах утверждения и развития чувства и сознания Русской народности в Западных и Юго-Западных губерниях России» [17].

Список источников

1. Майофис М. Воздвижение акрополя // Майофис М. Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818. М.: НЛЮ, 2008. С. 532–600.
2. Лотман Ю.М. Об альманахах пушкинской поры // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6. С. 28–29.
3. Рейтблат А.И. Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. М.: НЛЮ, 2001. С. 70–82.

4. Гин М.М. Н.А. Некрасов – литературный критик. Петрозаводск : Государственное издательство Карельской АССР, 1957. 190 с.
5. Makeev M.S. Николай Некрасов: поэт и предприниматель. М. : Макс Пресс, 2008. 235 с.
6. Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М. : Книга, 1965. 592 с.
7. Олещук А. Лучшие образцы русской литературы (1853–1871): сборники 1849–1900: антологии избранной поэзии и прозы, литературные сборники и альманахи, сборники для легкого чтения, сборники-антологии для народа и дамские сборники, антологии для женщин // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. URL: <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2021.5-L002>.
8. Genette G. Introduction to the Paratext // *New Literary History*. 1991. № 22. P. 261–272.
9. Лотман М.Ю. Текст и структура аудитории // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Таллин : Александра, 1992. С. 161–167.
10. Шартье Р. Репрезентации письменного текста // Шартье Р. Письменная культура и общество. М. : Новое издательство, 2006. С. 18–44.
11. Korte B. Flowers for the Picking. Anthologies of Poetry in (British) Literary and Cultural Studies // *Anthologies of British Poetry. Critical Perspectives from Literary and Cultural Studies*. Amsterdam ; Atlanta, 2000. P. 1–32.
12. Houston N. Anthologies and the Making of the Poetic Canon // *A Companion to Victorian Poetry*. Malden : Wiley-Blackwell Publishing, 2002. P. 361–377.
13. Goldensohn B. Poetry Anthologies and the Canon // *The Yale Review*. 1985. № 3. P. 404–414.
14. Ferry A. Tradition and the Individual Poem. An Inquiry into Anthologies. Stanford : Stanford University Press, 2001. 289 p.
15. Hopkins D. On Anthologies // *The Cambridge Quarterly*. 2008. Vol. 37, № 3. P. 285–304.
16. Benedict B. Choice Reading: Anthologies, Reading Practices and the Canon, 1680–1800 // *The Yearbook of English Studies*. 2015. Vol. 45. P. 35–55.
17. Щербина Н.Ф. Опыт о книге для народа // *Отечественные записки*. 1861. № 2. С. 285.
18. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939–1953.
19. Бодрова А.С. «Сочинения Лермонтова» 1860 и 1863 годов как историко-литературное исследование и книгоиздательский проект // *Русская литература*. 2016. № 3. С. 28–46.
20. Байрон в русских переводах 1810-х – 1860-х годов: библиографический указатель // Пушкинский Дом. URL: <http://lib2.pushkinskij-dom.ru/библиографический-указатель-и-база-данных> (дата обращения: 24.01.2022).
21. Кучерская М.А. Байронизм Некрасова: к постановке проблемы // *Карабиха: историко-литературный сборник*. Т. 9. Ярославль : Академия 76, 2016. С. 8–25.
22. Makeev M.S. Роберт Бернс и Томас Карлейль в поэтическом самоопределении Н.А. Некрасова в середине 1850-х гг. // *Вестник Московского университета*. 2008. № 2. С. 62–71.
23. Mole T. What the Victorians Made of Romanticism. Material Artefacts, Cultural Practices, and Reception History. Princeton: Princeton University Press, 2017. 318 p.
24. Reitblat A. The Book and the Peasant in the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Century: from Illiteracy to the Religious Book to the Secular Book // *Reading Russia. A History of reading in Modern Russia*. Vol. 2. Milan, 2020. С. 317–346.
25. Майков А.Н. Очерки современной жизни. Семья Ассессорши. 2 тома. Сочинение М. Корсини // *Современник*. 1848. Т. 12, № 12. С. 171–183.
26. Тургенев И.С. Племянница. Роман, соч. Евгении Тур. 4 части, Москва, 1851 // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 4. М. : Наука, 1980. С. 473–491.
27. Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.
28. Вдовин А.В. Литературный канон и национальная идентичность: «Что ты спишь, мужичок?» А.В. Кольцова и споры о русскости в XIX веке // *Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX (4): Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика и литературный канон XIX века*. Тарту, 2013. С. 139–162.
29. Makeev M.S. Литература для народа: протекция против спекуляции (к истории некрасовских «красных книжек» // *НЛО*. 2013. Т. 124, № 6. С. 130–147.
30. Vdovin A. Formulating the «Russian Idea»: Russian Writers and the Nationalization of Patriotism during the Crimean War (Maikov, Goncharov, Pisemsky) // *Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV. Tartu*, 2014. P. 107–120.
31. Reitblat A. The Reading Audience of the Second Half of the Nineteenth Century // *Reading Russia. A History of reading in Modern Russia*. Vol. 2. Milan : Ledizioni Ledi Publishing, 2020. P. 171–209.

References

1. Mayofis, M. (2008) *Vozzvanie k Evrope. Literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiyskiy modernizatsionnyy projekt 1815–1818* [Appeal to Europe. Arzamas literary society and the Russian modernization project 1815–1818]. Moscow: NLO. pp. 532–600.
2. Lotman, Yu.M. (1985) Ob al'manakhakh pushkinskoy pory [About the almanacs of Pushkin's time]. *Dekorativnoye iskusstvo SSSR*. 6. pp. 28–29.
3. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii* [How Pushkin Became a Genius]. Moscow: NLO. pp. 70–82.
4. Gin, M.M. (1957) *N.A. Nekrasov – literaturnyy kritik* [Nekrasov as a Literary Critic]. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karel'skoy ASSR.
5. Makeev, M.S. (2008) *Nikolay Nekrasov: poet i predprinimatel'* [Nikolay Nekrasov: Poet and entrepreneur]. Moscow: Maks Press.
6. Smirnov-Sokol'skiy, N. (1965) *Russkie literaturnye al'manakhi i sborniki XVIII–XIX vv.* [Russian Literary Almanacs and Collections of the 18th–19th Centuries]. Moscow: Kniga.
7. Oleshchuk, A. (2021) *Luchshie obraztsy russkoy literatury (1853–1871): sborniki 1849–1900: antologii izbrannoy poezii i prozy, literaturnye sborniki i al'manakhi, sborniki dlya legkogo chteniya, sborniki-antologii dlya naroda i damskie sborniki, antologii dlya zhenshchin* [Best Examples of Russian Literature (1853–1871): Collections 1849–1900: anthologies of selected poetry and prose, literary collections and almanacs, collections for easy reading, collections of anthologies for the people and ladies' collections, anthologies for women]. [Online] Available from: <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2021.5-L002>.
8. Genette, G. (1991) Introduction to the Paratext. *New Literary History*. 22. pp. 261–272.
9. Lotman, M.Yu. (1992) *Izbrannyye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra. pp. 161–167.
10. Chartier, R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written Culture and Society]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 18–44.
11. Korte, B. (2000) Flowers for the Picking. Anthologies of Poetry in (British) Literary and Cultural Studies. In: Korte, B., Schneider, R., & Lethbridge, S. (eds) *Anthologies of British Poetry. Critical Perspectives from Literary and Cultural Studies*. Amsterdam; Atlanta: Brill Rodopi. pp. 1–32.
12. Houston, N. (2002) Anthologies and the Making of the Poetic Canon. In: Cronin, R., Chapman, A. & Harrison, A.H. (eds) *A Companion to Victorian Poetry*. Malden: Wiley-Blackwell Publishing. pp. 361–377.
13. Goldensohn, B. (1985) Poetry Anthologies and the Canon. *The Yale Review*. 3. pp. 404–414.
14. Ferry, A. (2001) *Tradition and the Individual Poem. An Inquiry into Anthologies*. Stanford: Stanford University Press.
15. Hopkins, D. (2008) On Anthologies. *The Cambridge Quarterly*. 3 (37). pp. 285–304.

16. Benedict, B. (2015) Choice Reading: Anthologies, Reading Practices and the Canon, 1680–1800. *The Yearbook of English Studies*. 45. pp. 35–55. DOI: 10.5699/yearenglstud.45.2015.0035
17. Shcherbina, N.F. (1861) Opyt o knige dlya naroda [An exercise of a book for the people]. *Otechestvennye zapiski*. 2. pp. 285.
18. Chernyshevskiy, N.G. (1939–1953) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: Goslitizdat.
19. Bodrova, A.S. (2016) “Sochineniya Lermontova” 1860 i 1863 godov kak istoriko-literaturnoe issledovanie i knigoizdatel'skiy proekt [“Works of Lermontov” of 1860 and 1863 as a historical and literary research and book publishing project]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 28–46.
20. Bodrova, A.S., Martynenko, A.I. & Stepina, S.A. (n.d.) *Bayron v russkikh perevodakh 1810-kh – 1860-kh godov: bibliograficheskiy ukazatel'* [Byron in Russian Translations of the 1810s – 1860s: A bibliography]. [Online] Available from: <http://lib2.pushkinskij-dom.ru/bibliograficheskii-ukazatel'-i-baza-dannykh> (Accessed: 24.01.2022).
21. Kucherskaya, M.A. (2016) Bayronizm Nekrasova: k postanovke problem [Byronism of Nekrasov: to the problem]. In: Makeev, M., Yanovskaya, E.V. & Ivushkin, A.A. (eds) *Karabikha: istoriko-literaturnyy sbornik* [Karabikha: Historical and Literary Collection]. Vol. 9. Yaroslavl: Akademiya-76. pp. 8–25.
22. Makeev, M.S. (2008) Robert Berns i Tomas Karleyl' v poeticheskom samoopredelenii N.A. Nekrasova v seredine 1850-kh gg. [Robert Burns and Thomas Carlyle in the poetic self-determination of Nikolay Nekrasov in the mid-1850s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2. pp. 62–71.
23. Mole, T. (2017) *What the Victorians Made of Romanticism. Material Artefacts, Cultural Practices, and Reception History*. Princeton: Princeton University Press.
24. Reitblat, A. (2020) The Book and the Peasant in the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Century: from Illiteracy to the Religious Book to the Secular Book. In: Rebecchini, D. & Vassena, R. (eds) *Reading Russia. A History of reading in Modern Russia*. Vol. 2. Milan: Ledizioni Ledi Publishing. pp. 317–346.
25. Maykov, A.N. (1848) Ocherki sovremennoy zhizni. Sem'ya Asecorshi. 2 toma. Sochinenie M. Korsini [Essays on modern life. Acesorshi family. 2 volumes. The composition of M. Corsini]. *Sovremennik*. 12 (12). pp. 171–183.
26. Turgenev, I.S. (1980) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 473–491.
27. Yukina, I. (2007) *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. Saint Petersburg: Aleteyya.
28. Vdovin, A.V. (2013) Literaturnyy kanon i natsional'naya identichnost': “Chto ty spish', muzhichok?” A.V. Kol'tsova i spory o russkosti v XIX veke [Literary canon and national identity: “Why are you sleeping, man?” Aleksey Koltsov and disputes about Russianness in the 19th century]. In: Vdovin, A. et al. (eds) *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie, IX (4)* [Acta Slavica Estonica IV. Works on Russian and Slavic Philology. Literary Studies, IX (4)]. Tartu: University of Tartu. pp. 139–162.
29. Makeev, M.S. (2013) Literatura dlya naroda: protektsiya protiv spekulyatsii (k istorii nekrasovskikh “krasnykh knizhek”) [Literature for the People: Patronage against speculation (on the history of Nekrasov's “red books”).] *NLO*. 6 (124). pp. 130–147.
30. Vdovin, A. (2014) Formulating the “Russian Idea”: Russian Writers and the Nationalization of Patriotism during the Crimean War (Maikov, Goncharov, Pisemsky). In: Kisseljova, L. (ed.) *Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV*. Tartu: University of Tartu. pp. 107–120.
31. Reitblat, A. (2020) The Reading Audience of the Second Half of the Nineteenth Century. In: Rebecchini, D. & Vassena, R. (eds) *Reading Russia. A History of reading in Modern Russia*. Vol. 2. Milan: Ledizioni Ledi Publishing. pp. 171–209.

Информация об авторе:

Олещук А.В. — стажер-исследователь лаборатории комплексных междисциплинарных проектов и большого проекта «Литература как культурная практика и социальный опыт» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: anastasiya.oleschuk@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Oleschuk, intern researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anastasiya.oleschuk@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2022;
одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 24.05.2022;
approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.